

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

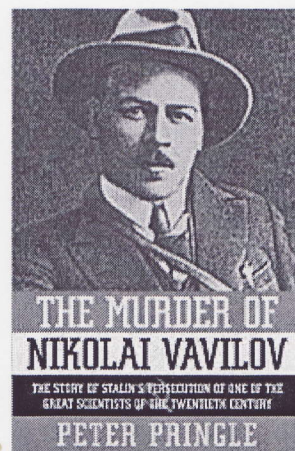
Николай Вавилов — жертва сталинского террора

В.Я. БИРШТЕЙН¹

Нью-Йорк, США, birstein@pipeline.com

Новая биография Николая Ивановича Вавилова², написанная американским журналистом и писателем Питером Принглом (Peter Pringle) и опубликованная в 2008 г. нью-йоркским издательством «Саймон и Шустер», явилась значительным дополнением к таким широко известным книгам об академике Н.И. Вавиллове на английском языке, как *“The Rise and Fall of T.D. Lysenko”* Жореса Медведева (1969), *“The Vavilov Affair”* Марка Поповского (1984) и *“Lysenko and the Tragedy of Soviet Science”* Валерия Сойфера (1994). К сожалению, книга Семена Резника *«Николай Вавилов»* (М., 1968), описывающая «дело Вавилова», и ее полный неотцензурированный вариант *«Дорога на эшафот»* (1983), а также сборник документов из архивно-следственного дела Н.И. Вавилова *«Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД»* (1999) не были переведены на английский язык и остались неизвестными западным читателям.

На протяжении всей книги П. Прингл упоминает имя и отчество Н.И. Вавилова, что необычно для американского автора, поскольку в англо-американской традиции отчество отсутствует. П. Прингл начинает биографию Н.И. Вавилова с описания революционных событий в Москве в 1905 г.,

¹ Бирштейн Вадим Яковлевич (Birstein Vadim, www.vadimbirstein.com) — автор книги *“The Perversion of Knowledge: The True Story of Soviet Science”*. Boulder: Westview Press, 2001 (2004; 2008). 512 p.

² Pringle P. *The Murder of Nikolai Vavilov: The Story of Stalin's Persecution of One of the Great Scientists of the Twentieth Century*. New York: Simon & Schuster, 2008. 370 p.

когда Н.И. Вавилову было 18 лет. Дед его был крестьянином, отец сделал успешную карьеру от приказчика до основателя собственной торговой фирмы. Далее биограф обращается к годам учебы Н.И. Вавилова в Петровке — Петровской сельскохозяйственной академии, которая в 1894—1917 гг. называлась Московским сельскохозяйственным институтом. Меня, коренного москвича и внука студента, учившегося в Петровке примерно в те же годы, что и Н.И. Вавилов, приятно удивило, что американский автор сумел с большим пониманием обрисовать московский период жизни Н.И. Вавилова.

Далее следует достаточно детальное описание первых поездок Н.И. Вавилова в Петербург и Европу, три года в Саратове, экспедиции в Среднюю Азию, на Памир, в Афганистан, Абиссинию, Дальний Восток, Центральную и Южную Америку. Интересно, что, говоря о Петрограде, П. Прингл цитирует воспоминания мало знакомых американцам художников Мстислава Добужинского и Юрия Анненкова. Научные сборы вавиловских экспедиций положили начало знаменитой уникальной коллекции семян растений в возглавлявшимся Н.И. Вавиловым до конца 1940 г. Всесоюзном институте растениеводства (ВИР) в Ленинграде, а также стали основанием для формулирования Вавиловым его закона гомологичных рядов в наследственной изменчивости растений и теории центров происхождения культурных растений. Хотя П. Прингл не биолог, а журналист, ему удается корректно изложить научные достижения Вавилова, что делает данную книгу, возможно, лучшим англоязычным источником о научной карьере Николая Ивановича. Автор также уделяет много внимания многочисленным встречам и переписке Вавилова с русскими и зарубежными коллегами. Начиная с 1920-х гг. контакты с зарубежными учеными послужили главным основанием внимания ОГПУ и потом НКВД к Н.И. Вавилову.

Вторая часть книги посвящена описанию постепенно уменьшающегося общественного и научного влияния Н.И. Вавилова в связи с возвышением Т.Д. Лысенко, поддерживаемого И.В. Сталиным, что в конце концов привело к аресту Н.И. Вавилова. Лысенко с его упрощенными представлениями и демагогией и примитивными предложениями решать сложные научные вопросы определенно импонировал диктатору. Прингл убедительно демонстрирует, что Т.Д. Лысенко, вопреки недавно возникшей в некоторых кругах тенденции его обелять, в действительности лично участвовал в уничтожении Н.И. Вавилова, при этом извлекая большую выгоду для себя. В 1935 г. Н.И. Вавилов был понижен из президентов до одного из трех вице-президентов Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ), созданной им в 1929 г. В 1938 г. Т.Д. Лысенко стал президентом ВАСХНИЛ, и с этого момента Н.И. Вавилов формально подчинялся ему как вице-президент. После ареста Вавилова 6 августа 1940 г. Т.Д. Лысенко был назначен директором вавиловского Института генетики АН СССР в Москве. Очевидно, празднуя свою победу над поверженным врагом, через два месяца после ареста Вавилова Лысенко приехал в ВИР, где поучал бывших вавиловских сотрудников, прочитав им лекцию о «мичуринской генетике». Лысенко лично предложил НКВД имена экспертов, написавших заключение в поддержку обвинений против Н.И. Вавилова.

Все эти главы живо написаны, однако, к сожалению, в них присутствуют многочисленные неточности. Например, город Бухара находится в Узбекистане, а не в Таджикистане (с. 53), а Литва в 1927 г. была независимым государством, а не частью Советского Союза (с. 129). Коронации российских царей происходили в Москве, а не в Петербурге (с. 93), а царь Николай II отрекся от престола 2 (15) марта 1917 г., а не в феврале 1917 г., как утверждает автор (с. 60, 308). Прингл неверно приводит и дату

гибели предшественника Лысенко на посту президента ВАСХНИЛ А.И. Муралова: он был расстрелян 30 октября, а не в марте 1937 г. (с. 225).

Более существенные ошибки появляются в главе 27, описывающей следствие по делу Н.И. Вавилова в Москве. Во-первых, П. Прингл останавливается на следствии чересчур коротко и схематично. Например, хотя автор правильно описывает сокамерника Н.И. Вавилова в Лубянской тюрьме П.М. Лобова как агента НКВД (по терминологии НКВД, «внутрикамерника»), однако Принглу, по-видимому, осталось неизвестным основное преступление Лобова. В январе 1937 г. оппозиционер Г.Я. Сокольников был приговорен к 10 годам тюремного заключения на московском показательном процессе по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». По меркам 1937 г. это было очень легкое наказание. В действительности Сталин планировал тайную казнь. 21 мая 1939 г. в одиночную камеру Тобольской тюрьмы, где находился Г.Я. Сокольников, вошли начальник этой тюрьмы, оперуполномоченный НКВД Г.Ф. Шарок, и П.М. Лобов, которого Шарок привез из Москвы, где Лобов использовался как «внутрикамерник»³. Все трое набросились на Соколового и убили его. А в апреле 1941 г. Лобов давал показания против Вавилова как его сокамерник.

Во-вторых, автор не полностью владеет материалом. Так, Прингл пишет о Л.Л. Шварцмане как о «начальнике Главного экономического отдела» НКВД (с. 257), в то время как в соответствующих документах «дела Вавилова» Л.Л. Шварцман упомянут в 1940 г. в качестве заместителя начальника, потом начальника следственной части Главного экономического управления НКВД, а в 1941 г. — как заместитель начальника Следственной части НКГБ (в феврале 1941 г. НКВД был разделен на два комиссариата, внутренних дел — НКВД, и безопасности — НКГБ). Кроме того, согласно Принглу, другой следователь, А.Г. Хват, организовывал очные ставки Вавилова с арестованными К.А. Фляксбергером (автор неоднократно неправильно указывает фамилию ученого как Фляксберг), Л.И. Говоровым и Г.Д. Карпеченко (с. 261). Однако Фляксбергер был арестован в Ленинграде (как и Г.А. Левитский, А.И. Мальцев и Н.В. Ковалев, коллеги Н.И. Вавилова по ВИР, аресты которых в связи с «делом Вавилова» П. Прингл не упоминает), а не в Москве, и допросы его происходили во внутренней тюрьме города Златоуста (Челябинская область), куда заключенные были эвакуированы из Ленинграда. Там, в тюрьме Златоуста, 64-летний Г.А. Левитский и 62-летний К.А. Фляксбергер умерли 20 мая и 13 сентября 1942 г., соответственно, «от истощения и дряхлости», как было написано в актах о смерти. При том, что перед арестом (это был его третий арест) Г.А. Левитский обладал отменным здоровьем и обыгрывал молодых коллег в теннис.

Очные ставки Н.И. Вавилова с Л.И. Говоровым и Г.Д. Карпеченко действительно состоялись, но они также были организованы еще и с А.С. Бондаренко, Б.А. Паншиным и А.К. Запорожцем, которых Прингл почему-то не упоминает. Все эти ученые были арестованы как соратники Вавилова, когда он сам уже находился в заключении.

Ошибочно утверждение автора, что «была еще одна возможность для каждого советского гражданина. Н.И. Вавилов мог обратиться в Президиум Верховного Совета СССР» после «окончательного и без права обжалования приговора», вынесенного 9 июля 1941 г. Военной коллегией Верховного суда СССР (с. 267). Все пять коллег Н.И. Вавилова, с которыми он встречался на очных ставках, также были приговорены

³ Документ № 40 в кн.: *Петров Н.* Первый председатель КГБ Иван Серов. М.: Материк, 2005. С. 313–315.

в тот же день к смертной казни. По-видимому, П. Прингл недостаточно знаком с советскими судебными процедурами конца 1930-х — начала 1950-х гг. Фраза приговора о том, что он был «окончательный и обжалованию не подлежит», согласно Декрету от 1 декабря 1934 г. почти автоматически влекла за собой смертную казнь. Тот факт, что Н.И. Вавилову и его арестованным коллегам было разрешено написать прошения в адрес Президиума Верховного Совета СССР, членом которого Сталин был и который находился под полным его контролем, указывает на личное решение Сталиным этого вопроса. Хотя 26 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР отклонил ходатайство Н.И. Вавилова, странным образом он не был казнен, что опять-таки вряд ли произошло без участия И.В. Сталина. На следующий день после решения Президиума А.С. Бондаренко, Л.И. Говоров и А.К. Запорожец были расстреляны в «Коммунарке» (расстрельный полигон НКВД/НКГБ под Москвой), а Г.Д. Карпеченко и Б.А. Паншин были расстреляны там же 28 июля. Осенью 1942 г. жена Г.Л. Карпеченко покончила с собой в тюрьме г. Златоуста⁴.

Питер Прингл упоминает, что в октябре 1941 г. по распоряжению комиссара НКВД Лаврентия П. Берии к Н.И. Вавилову в камеру дважды приходил представитель Л.П. Берии, который обещал, согласно письму Н.И. Вавилова, написанному в апреле 1942 г., предоставить «возможность научной работы как академику». Однако Прингл не указывает, что вместо расстрела Н.И. Вавилов был записан за 4-м отделом НКВД (разведка, террор и диверсии в тылу врага), возглавлявшимся П.А. Судоплатовым, перед этим организовавшим, по приказу Сталина, убийство Л.Д. Троцкого в Мексике в 1940 г. Кстати, с начала войны в судоплатовском отделе работал Г.Ф. Шарок, один из убийц Г.Я. Сокольникова. К сожалению, само распоряжение Л.П. Берии о зачислении Н.И. Вавилова не было опубликовано, поэтому неизвестно, как планировалось использовать Вавилова в отделе П.А. Судоплатова. Вместо того чтобы остаться с группой Судоплатова в Москве, 15 октября 1941 г., в дни паники, когда немецкие танки прорывались в пригороды Москвы, Н.И. Вавилов был эвакуирован с другими осужденными, содержащимися в московских тюрьмах, в Саратов. Заключенные провели в пути две недели в невыносимых условиях, а в саратовской тюрьме Н.И. Вавилов был помещен в камеру смертников. Перевод Н.И. Вавилова из Москвы в Саратов имел трагические последствия.

23 июня 1942 г. Президиум Верховного Совета, в заседании которого участвовал И.В. Сталин, принял решение заменить Н.И. Вавилову «высшую меру наказания 20-ю годами лишения свободы в исправтрудлагерях». Однако необходимая медицинская помощь Н.И. Вавилову вовремя не была оказана. Истощенный, больной 55-летний ученый был помещен в тюремную больницу с крупозным воспалением легких только за два дня до смерти, наступившей 26 января 1943 г.⁵ Как заключает

⁴ Самоотверженная борьба Г.Д. Карпеченко против Т.Д. Лысенко и чудовищная атмосфера гонений, созданная последним, И.И. Презентом и их последователями в ВИР и в Ленинградском государственном университете в 1939–1940 гг., описаны в статье: *Шварц А.* Этот счастливцев Карпеченко // Слово / Word. 2008. № 60. <http://magazines.russ.ru/slovo/2008/60/sh35.html> (19 апреля 2010 г.).

⁵ Число заключенных, привезенных из Москвы и погибших в Саратовской тюрьме, остается неизвестным. По воспоминаниям одной из заключенных, осенью-зимой 1941–42 гг. «голод был такой, что трупы умерших голодной смертью заключенных складывались штабелями, как дрова, во дворе [тюрьмы]» (*Тревожный Б.* Воспоминания отца. Часть вторая. <http://trevozhniy.livejournal.com/192594.html>; 4 июля 2010 г.). Только в 1942 г. умерли литератор М.Ю. Левидов (по некоторым

П. Прингл в главе 28, «этот знаменитый охотник за растениями, который думал накормить весь мир, умер от голода» (с. 279).

Несмотря на указанные неточности в последней части, книга П. Прингла крайне важна и своевременна. В последние годы полки книжных магазинов в России стали наполняться продукцией популярных «народных науковедов», прославляющих Т.Д. Лысенко. Один из таких авторов, Ю.И. Мухин, делится с читателями: «Общепринятым генетиком был Лысенко, а Вавилов как ученый был пустым местом, и к генетике он не имел ни малейшего отношения. И „генетиком“ Вавилова сделали клакеры ученых паразитов, они же и заплевали Лысенко»⁶. В публичных выступлениях Мухин поясняет: «И „генетиком“ Вавилова сделали жидовские клакеры»⁷. Поэтому актуальность книги Питера Прингла «Убийство Николая Вавилова», напоминающей о судьбе выдающегося биолога — одной из много-миллионных жертв И.В. Сталина, не вызывает сомнений.

сведениям, один из сокамерников Вавилова), геолог Г.Ф. Мирчник (1889–1942), психиатр И.Д. Ермаков (1875–1942), архитектор Н.Е. Лансере (1879–1942) (брат Е.Е. Лансере и З.Е. Серебряковой), поэт М.В. Козырев (1892–1942). Военный инженер Б.В. Акимов был расстрелян в той же тюрьме 23 февраля 1942 г. Рекомендацию на расстрел подписал А.Г. Хват, один из следователей Вавилова.

⁶ Мухин Ю.И. Продажная девка Генетика. Познание мира или кормушка. М.: Быстров, 2006. С. 163.

⁷ См.: <http://www.ej.ru/?a=note&id=8074> (19 апреля 2010 г.).